

BLIZZARD ENTERTAINMENT

Микулов: братья по оружию

Предыстория «Diablo III: орден»

Скотт Брик

«Добро пожаловать, боль. Хотя нам не суждено быть вместе долго, я приму тебя с должным почетом. В этом доме ты познаешь покой, но лишь до тех пор, пока я не исполню свой долг. Потом тебе придется меня покинуть. Но пока время еще не настало, я приветствую тебя, как старого друга».

Послушник мысленно твердил эти слова, стоя на коленях на каменном полу и стараясь не обращать внимания на растекающуюся от них по всему телу боль. Пот струями катился по лицу. Пульсирующая боль, казалось, заслонила собой все, нарастая и поднимаясь все выше, но молодой монах старался вытеснить ее из сознания. Сетовать не было смысла, кроме того, сопротивление лишь мешало достичь цели. Простояв столько часов на жестком камне, он испытывал такую боль, что едва мог думать об испытании, не говоря о том, чтобы пройти его. Если какое-либо ощущение мешало делу, и избавиться от него не представлялось возможным, необходимо было изменить собственное восприятие. Лишь приняв боль, можно ее превозмочь.

«Сумей монахи прочесть мои мысли, — с горечью думал послушник, — я бы уже провалил испытание». Ивгородские монахи обладали столь полным контролем над своим телом, что о них слагали легенды, и в мгновения высочайшего напряжения их сознание могло отворачиваться от физической реальности и переходить на более высокий пласт бытия. Наставники велели бы ему очистить разум, но не затем, чтобы достичь какой-то цели, но чтобы лучше слышать глас богов. Боги говорили со всеми, кто готов был им внимать, вслушиваясь в шелест ветра, шум дождя, журчание рек, крики животных, а языком Итара было само пламя.

Но сейчас единственное, что слышал Микулов, стоя на коленях в темном зале, — отдающийся в ушах стук собственного сердца. Пульс бил в такт волнам боли, идущим от коленей. И эти двойственные ощущения, и капли пота на лбу послушника были свидетельством того, что он не достиг гармонии тела и духа. Микулов вновь попытался унять волнение.

«Добро пожаловать, боль...»

Поморщившись, он начал сомневаться, что испытание вообще удастся пройти. Как можно радоваться тому, что почти невыносимо? Он был глупцом, когда решил, что у него все получится; лишь глупец мог зайти в комнату, из которой нет выхода...

В монастыре Плывущего Неба, доме знаменитых монахов Ивгорода, что расположен на западном континенте Санктуария, в горах, у подножия которых раскинулся Горгорский лес, дети с первых дней хорошо знали, что такое одиночество. По какой бы причине они там ни оказались, всем им было знакомо жгучее желание найти свою семью. Эта жажда тепла связывала их, учила ценить общее меж ними. Их объединяло единственное желание — однажды стать монахами ордена. Тех, кто не показывал должного тщания во время занятий, ждал жестокий урок — изгнание. Тем не менее, у провинившихся послушников оставался последний шанс искупить вину: они могли пройти испытание телесных сил, доказав тем самым, что у них все же есть способности к учебе, не замеченные ранее. В противном случае им приходилось навсегда покинуть стены монастыря.

Гачев, мальчик постарше, много лет измывался над Микуловым, чьи страдания не прекращались до тех пор, пока своенравие и презрение его обидчика к монастырским порядкам не вынудило монахов испытать Гачева. В назначенный день ударили сильные холода, а у послушника с собой было совсем немного провианта. Увидев отчаяние и страх на лице Гачева, Микулов понял, что тот не вернется. Никто из членов ордена больше ничего не слышал о провинившемся. Поначалу Микулов радовался тому, что Гачева выгнали, но лишь до тех пор, пока не понял, что и сам ставит под сомнение авторитет монахов, и что ему тоже, возможно, грозит схожая участь.

Пока через распахнутые большие ворота монастыря еще можно было увидеть фигуру Гачева, удаляющуюся в сторону бесплодной пустоши, Микулов вглядывался в лицо старого мастера Веденина. Старые одежды, длинная седая борода и гладко выбритая голова монаха делали его почти неотличимым от своих братьев. Что отличало Веденина от других членов ордена, прежде всего ценившего спокойствие, — это его суровый нрав. Микулов навсегда запомнил его ярость.

«Глупец, — сказал тогда Веденин, умевший наполнить каждое слово желчью и презрением, сохраняя при этом равнодушную интонацию. — Ты быстр, ловок, сообразителен, но, с другой стороны, горделив, вспыльчив и слаб. Ты думаешь лишь о прошлых обидах и разочарованиях и не слышишь гласа богов. Ты опозоришь и себя, и монастырь».

Микулов слышал эти слова и в тот день, когда Веденин с презрением глядел в спину уходящему Гачеву. Старый монах явно ждал, что однажды и Микулова постигнет та же

участь. Инстинктивно или же благодаря предвидению, данному свыше, Микулов понял, что, когда настанет его черед, на испытание его поведет Веденин.

Тогда Микулов поклялся, что не потерпит неудачу. Несмотря на свои юные годы, он готов был посвятить все оставшееся время подготовке к неизбежному испытанию.

Согласно учению монахов, каждый человек — живое оружие, но опираться лишь на одну силу было верхом безрассудства. Истинная мощь монаха, как они учили, заключалась в самодисциплине и силе духа. В связи с этим каждый послушник ордена должен освоить оружие трех аспектов бытия: оружие ума, оружие физического боя и оружие духа, самое мощное. Монах должен суметь сохранить покой в своей душе, чтобы воспользоваться той силой, которую боги даруют своим преданным служителям. Когда монахи достигали этой ступени, они могли использовать обыкновенное оружие так, будто оно являлось продолжением их души. Микулов поклялся, что тоже этому научится.

С того момента, когда дети ордена совершали свой первый шаг, их начинали учить обращаться с обычным оружием. Микулов особенно любил небольшой кистевой нож — его клинок так славно проходил между сжатыми пальцами кулака... Микулов быстро научился управляться с этим оружием — фактически, почти сразу — хотя сперва он, разумеется, воспротивился предложению Веденина. Изначально Микулов хотел учиться стрельбе из лука.

— Лук отлично подходит для дальнего боя, но вблизи от него нет никакого проку, — презрительно изрек старик.

Микулов не согласился и заметил, что с помощью лука можно удерживать врагов на расстоянии, не давая им возможности приблизиться.

На это Веденин возразил, что существует куда более эффективное оружие дальнего боя, а посему лук — удел слабых.

Стоило Микулову усмехнуться, как старик не преминул унижить его перед окружавшими их мальчиками и девочками. Веденин приказал подопечному взять лук и две стрелы, а затем отошел на десять шагов и замер, скрестив руки на груди и укрыв ладони в объемных рукавах своего одеяния.

— Чем ты поразишь меня с такого расстояния? — спросил он.

Микулов поднял лук.

— Приступай.

К ним устремились взгляды всех послушников. Микулов услышал едва заметную перемену в голосе Веденина и понял, что пора прекратить словесную дуэль и приступить к тренировке. Он приладил стрелу к тетиве, не спуская глаз с Веденина. Наставник едва заметно двинул скрытой ладонью, и древко стрелы разлетелось прямо в руке Микулова.

Веденин уже приблизился на расстояние пяти шагов.

— А теперь чем ты можешь поразить меня?

Микулов принялся возиться со второй стрелой.

— Чтобы пустить стрелу, нужно время, — сказал Веденин, — но дух разит молниеносно.

Его следующее движение было таким плавным и ловким, что Микулов его даже не заметил, однако и стрела и лук разлетелись на кусочки.

Теперь старик был уже на расстоянии вытянутой руки.

— А чем ты ранишь меня на таком расстоянии? — самодовольно спросил он.

— Голыми руками! — ответил Микулов, в глазах его читался гнев.

Веденин махнул рукой так быстро, как ни за что не смог бы другой человек в его возрасте. Малюсенький кончик лезвия и режущая кромка кистевого ножа рассекли воздух перед самыми глазами Микулова.

— Попробуй, — мягко прошептал Веденин так, чтобы никто больше не услышал.

Хоть этот урок и уязвил самолюбие Микулова, ему хватило ума внять мудрому совету. Он стал по-настоящему силен в бою с кистевым клинком, полагаясь на свою необычайную ловкость и координацию. Резкие выдохи упорно занимающегося послушника часто можно было слышать на тренировочной площадке. Со временем он стал настоящим мастером боя на кистевых клинках.

Однако владение силой сознания и духа ему никак не давалось.

Источником настоящей силы были вовсе не ритуальные слова в древних свитках. Нет, члены древнего ордена верили, что божественной силой наделены все предметы: и живые, и неодушевленные. Следовательно, силой пронизано все мироздание. Таким образом, монахи монастыря Плывающего Неба всю жизнь посвящали тому, чтобы научиться воспринимать эту

силу, где бы она ни таилась, и использовать ее для исполнения воли патриархов Ивгорода, говоривших от лица богов.

Однажды, когда Микулов занимался на площадке и с такой скоростью наносил удары клинком по деревянному манекену, что окружающие едва могли заметить лезвие, ему удалось сосредоточиться настолько, что он рефлекторно соприкоснулся своим сознанием с миром богов. Высвобожденная мощь вызвала взрыв кинетической энергии. Хотя все произошло совершенно случайно, и Микулову удалось воспользоваться лишь малой долей энергии, это был не простой удар. По клинку Микулова пробежал сполох голубого света, а ударной волной нескольких наблюдавших сбило с ног. Волны энергии расходились дальше, сталкиваясь со стенами монастыря. Два ошеломленных послушника побежали за своими мудрыми наставниками, хотя в этом не было нужды. Монахи монастыря Плывающего Неба каждый день проводили в чутком наблюдении за окружающей обстановкой, ожидая знамений от богов. И подобное доказательство божественного вмешательства никак не могло обойти их внимание.

Микулов, уже в совершенстве освоивший обращение с обычным оружием, теперь в достаточной мере овладел силами духа и сознания, чтобы достичь необычайных высот. Он знал, что вскоре ему, возможно, придется пройти испытание. Когда на площадке появился, сверкая глазами, Веденин и Микулов взглянул на его упрямое и жесткое лицо, то стало ясно, что дело было уже решено.

В течение нескольких следующих дней Микулов изо всех сил старался освоить новые навыки, чтобы использовать мощь богов по своему желанию.

Оказалось, что он может вызывать желаемый эффект гораздо быстрее и стабильнее, если полностью сосредоточится на нем. Его первоначальное столкновение с божественной силой оказалось очень неуклюжим и чрезвычайно коротким — будь сила вещественным объектом, Микулов просто уронил бы его. Но он все же узнал, что может извлекать, направлять и даже увеличивать эту силу.

Он разработал свои собственные упражнения и тренировался без усталости.

«Соберись с мыслями и думай о том, чтобы высвободить силу через клинок. Сосредоточься на этом условии. Положись на упорство, позволь желанию выпустить эту энергию из своего сознания, из каждой частички своего тела и духа».

Добившись некоторых, хотя и не слишком впечатляющих успехов, он понял, что дело не только в концентрации.

«Нужно сосредоточиться, а вот торопиться никак нельзя. Двигайся неспешно и с четким пониманием цели».

Он всегда старался помнить эти наставления, ведь сила богов — это дар, и требовать его слишком настойчиво — значит проявлять тщеславие и неуважение.

«Боги дадут тебе все необходимое в должное время. Задача проста — дожидаться избранного богами мгновения».

Принцип выбора испытания для послушников был одной из самых больших тайн монастыря. Те, кому не удавалось справиться с заданием, немедленно покидали монастырь, но те немногие, кто с честью проходил испытание, на много лет — или десятков лет — уединялись, чтобы полностью предаться учению. Разумеется, с младшими товарищами они после этого общаться не могли.

Тем не менее о правилах испытания ходили кое-какие слухи.

Помимо одного вида оружия — Микулов, разумеется, выбрал кистевой клинок — послушникам разрешалось взять с собой одну мантру, начертанную наставниками на свитке. Мантра могла быть любой, но как Микулов ни старался, он не мог ни на чем остановить свой выбор. Каждую ночь он ворочался, пытаясь отыскать в недрах уставшего рассудка постоянно ускользающий ответ.

«Что мне нужно, чтобы выжить?»

В конце концов, к выбору его подтолкнуло не здравое суждение, но страх.

Когда он предстал перед всеми наставниками монастыря Плывающего Неба, перед ним разложили множество свитков. Солнце еще не взошло, и мантры поблескивали в свете факелов. Некоторые свитки были очень объемными, другие же — едва больше его мизинца, а третьи были богато украшены и скреплены изящными печатями.

— Целью твоего испытания, — говорил Веденин (разумеется, страшать Микулова должен был именно он), — будет доказать решимость вверить свое оружие, свой ум и свой дух воле богов; чтобы возложить жертву на их престол, а не на свой.

Ухмылка на притворно кротком лице говорила о том, сколь сильно он сомневался в успехе послушника.

Когда Микулов замешкался, он ощутил на себе осуждающие взгляды наставников, но в то же время за стенами монастыря его ждало множество угроз и пугающая неизвестность. Засомневавшись, он взял мантру, показавшуюся тогда наиболее полезной — мантру исцеления.

Вместе с пергаментным свитком ему вручили бумажный конверт, скрепленный восковой печатью с гербом монастыря. Указание было совершенно четким: открыть конверт через семь дней, проведя неделю в молитвах и медитации, чтобы подготовиться к тому, что его ждет. Лишь на заре восьмого дня можно было сломать печать, чтобы получить дальнейшие распоряжения.

На рассвете Микулов покинул обитель. Повинуясь внутреннему голосу, он отправился на восток, вглубь гор, окружавших Ивгород. С собой у него был лишь свиток и конверт, а также кистевой клинок в ножнах на бедре. Так как всю неделю ему предстояло поститься, он не взял с собой еду. Водой он тоже себя не стал обременять, ведь тому, кто не найдет способ утолить жажду, нечего и мечтать о том, чтобы достичь мудрости монахов монастыря Плывающего Неба.

Если не удастся найти воду в течение первой недели, то так тому и быть. Он потерпит неудачу — или просто умрет — задолго до того, как услышит глас богов, не говоря уже о том, чтобы исполнить их волю.

Неделя началась тихо и спокойно. Микулов первым делом занялся поисками источника воды, и поэтому пошел к череде крутых холмов, на которые долгие годы смотрел из окон общей спальни послушников. Далеко на юге эти холмы уходили к подножию Кольских гор. Он был уверен, что на склонах удастся найти ручей, хотя единственным для того основанием было знание, что вода всегда стремится от высот к низменностям.

Он вспоминал, как наставники учили, что боги говорят с верующими, способными прислушаться к голосу знаний, инстинктов и интуиции. Его предположение подтвердилось: у подножия одного из холмов тоненький ручеек спускался по груде бульжников к маленькому пруду с темной, но прозрачной водой. Микулов был благодарен провидению за этот дар, и потому пил большими глотками, чтобы утолить жажду после долгого дня и подготовиться к

предстоящей неделе. Хорошо, что воду удалось отыскать так быстро: под палящим летним солнцем вода была просто необходима для выживания, и без нее об испытании можно было бы забыть.

Микулов решил поискать вблизи пруда какое-нибудь укромное место, ибо надлежит быть благодарным богам за их щедрость.

Он знал, что в горах темнеет очень быстро. Вскоре он набрел на участок довольно мягкой земли, скрытый под скалистым выступом. Это место он тоже счел божественным даром и поэтому прочел благодарственные молитвы, прежде чем лечь и отдохнуть.

Очнувшись ото сна, он еще раз продумал свой ежедневный распорядок на эту неделю. Он пошел к пруду и помылся, очистив себя от дорожной пыли. Стоял самый жаркий месяц в году, и жара не спадала даже ночью. Тело покрывалось потом, даже если не приходилось прикладывать какие-то усилия, а Микулову хотелось всегда быть чистым, обращаясь к богам. Стоило заре забрезжить на горизонте, как он входил в воду и погружался с головой. Микулов задерживал дыхание, насколько мог, не переставая молиться о том, чтобы боги сочли его достойным. Каждый раз как над землей вставало солнце, он омывал свое тело и возобновлял молитву.

Он думал провести эти дни в задумчивом молчании и мире. Микулов не ощущал ни малейшего волнения — не нужно было ни преодолевать трудности, ни драться с опасными зверями. Пребывая в одиночестве, он не говорил ни слова.

Увы, спокойствие его было нарушено. К нему явился Гачев и вел себя, по обыкновению, крайне шумно.

К полудню четвертого дня, в разгар невыносимой жары, бывший послушник заговорил с Микуловым. Тот взял за правило не уходить далеко от своего укрытия. Даже когда солнце достигало зенита, скалистый выступ в течение многих часов защищал от палящих лучей. Кроме того, рядом было много воды. Микулов понимал, что чем дольше он пробудет под прямыми лучами солнца, тем быстрее иссякнут силы. Он покидал тень только по необходимости и сразу шел к пруду, чтобы восполнить потери воды за день или за ночь. Несмотря на все предосторожности, Микулов вскоре ощутил легкие последствия обезвоживания.

Стоило ему усомниться в успехе, как он услышал чей-то насмешливый голос.

— С чего ты решил, что у тебя выйдет то, что не вышло у меня?

Микулов открыл глаза и выглянул наружу из своего тенистого укрытия. Напротив того места, где Микулов устроил свою стоянку, прямо под палящими лучами солнца на земле распростерся Гачев. На нем была та же одежда, что и в день, когда он покинул монастырь. Он совсем не изменился. Как, проведя столько месяцев в горах, он умудрился не порвать тунику, не пораниться и сохранить себя в чистоте? Но Гачев лишь лежал на земле, будто жар солнца лишь успокаивал его, и время от времени поглядывал в сторону Микулова.

— Когда я только тут очутился, мне тоже пришлось несладко. Я был уверен, что навсегда лишился радости. И все же я вновь научился смеяться, наблюдая за другими дураками, которые надеялись прожить в этой жуткой глуши несколько недель. — Он посмотрел на Микулова, озабоченно приподняв бровь, а затем добавил: — Да уж, посмеялся я от души.

Микулов от удивления чуть было не заговорил.

Он не давал обета молчания, но, согласно учению, лишь в тишине и покое можно услышать речь богов. Поэтому Микулов прикусил язык и не ответил на издевку. Он лишь смотрел на Гачева, этого мальчика, который должен был быть мертв. Глаза щипало от стекавшего со лба пота.

Этот действительно был Гачев? Или ему просто привиделось? Учитывая, что подобранный совершенно незаметно послушник ни капли не изменился со времен ухода из монастыря, Микулов счел его плодом своего воображения, фантомом, вызванным жарой и одиночеством.

Когда Гачев снова заговорил, в его голосе не было насмешки, а слова пробудили настолько глубоко сокрытый в сердце Микулова страх, что тот буквально оцепенел.

— Все мы обречены на неудачу, — категорично сказал Гачев. — Ни один послушник никогда не приходил испытание до конца. Это ни у кого не получится.

Голод, который больше всего мучил его в эти дни, уступил место душераздирающим сомнениям, и насмешливые ремарки Гачева лишь усугубляли терзания Микулова. Намеки Гачева, которые тот не уставал повторять, лишь распаляли желание Микулова сломать печать и пройти испытание раньше срока, а, может, даже порвать бумажный конверт, не распечатывая. Микулов начал заходить все дальше от своего укрытия у пруда, но Гачев не отставал от него ни на шаг, с горечью насмехаясь над стараниями постящегося послушника.

За это время глумление Гачева и сомнения породили в уме Микулова массу домыслов, казавшихся ему весьма правдоподобными. Наставники монастыря Плывающего Неба никогда не продвигали молодых подопечных младшего ранга; послушники так и не становились монахами. В конце концов, наставники были чрезмерно избирательны в выборе своих будущих братьев. Когда смиренные послушники заканчивали свое обучение, их использовали лишь как дармовую рабочую силу, пока они не становились обузой для общины. Тогда их посылали на смертельно опасные испытания, а их места занимало новое поколение доверчивых верующих. Неужели именно так на протяжении многих веков обстояло дело в монастыре Плывающего Неба?

Микулов понимал, что просто убежать от страхов не получится и что его ум находит тревожные знаки и заговоры, которых на самом деле нет. Он стремился развеять свои сомнения, вспомнить кого-то из сирот, кто с честью прошел испытание, но не смог. Было сказано, что тех, кому удалось преуспеть, разлучали со своими бывшими братьями, чтобы их не отвлекали от сложного обучения, которое и было для них наградой.

Измышления Гачева казались вполне разумными.

— Ты глуп, Микулов, — говорил он. — Ты горделив, вспыльчив и слаб. Так тебе не стать монахом. Ты лишь протопчешь себе дорогу напрямиком в безымянную могилу, где тебя уже ждут твои братья.

Зловещее замечание напомнило Микулову о том, как Веденин часто предрекал ему, что он опозорит и себя, и своих товарищей. Микулов, как и раньше, решил не поддаваться отчаянию. Он вновь обратил внимание на ничуть не изменившийся облик Гачева и на то, что в его речи эхом отдавались слова его сурового наставника. Мишенью их упреков стал самый сильный страх Микулова: не смерть, но позор перед ней. Мальчик, собиравшийся стать монахом, вновь рассудил, что Гачев был лишь плодом его воображения, эфемерным спутником, напоминавшем о том одиночестве, что он испытывал в горах во время недельной подготовки к испытанию.

«Его насмешки — голос моих страхов».

Наступил последний день; Микулов старался не слушать издевок. Гачев насмеялся над его стараниями, но Микулов твердил себе, что тот не более чем химера, порождение тягот бдения, боли и крупиц сомнения в душе. К вечеру седьмого дня Микулов окончательно уверил себя, что Гачев не более чем назойливое видение.

Но это видение спасло ему жизнь.

Чем сильнее Микулов жаждал наступления следующего утра, когда он сможет вскрыть скрепленный воском конверт и узнать, что делать дальше, тем больше ему хотелось приблизить судьбоносный момент. Он решил встретить рассвет на вершине горы, которой первые лучи солнца коснутся раньше, чем подножия. Хотя впереди ждал тяжелый подъем по скалистым склонам, ему показалось, что дело того стоит, ведь он сможет избавиться от мук неизвестности на несколько минут раньше.

И он отправился в путь. Солнце уже начало опускаться, но жара была по-прежнему невыносима, и с каждой секундой, казалось, воздух становился только горячее. Однако Микулов все же начал восхождение, чтобы достичь вершины засветло и подготовиться к ночи молитв и медитации, которую он проведет вблизи обители богов. Он не задумывался о том, чтобы набрать воды, так как выбранный им путь проходил вблизи ручья, впадавшего в пруд у его стоянки.

Гачев не преминул при каждом удобном случае напоминать Микулову, что тот не приготовился к подъему как следует.

Сначала Микулов был уверен, что во время восхождения не будет отдаляться от ручья. По мере того как он поднимался все выше, от жары и усталости у него пересохло во рту. Росло искушение вернуться, но стоило оглянуться и увидеть, насколько далеко внизу осталось укрытие, как он решился продолжать подъем. Вершина была уже совсем близко.

— Вот глупость! И зачем такие трудности?

Микулов не обращал внимания на слова непрошеного спутника. У него начало сбиваться дыхание.

— Так ты мало чего добьешься, кроме безвременной смерти.

Казалось, каждый камень норовил вывернуться из-под ноги, а взамен так и подворачивались трещины — того и гляди, оступишься и повредишь что-нибудь.

— Глядя на тебя, боги разве что посмеются.

Палящие лучи солнца и изнеможение сил от подъема так ослабили Микулова, что он опасался стать жертвой этих опасных скал. Любой перелом означал, что придется

использовать мантру исцеления раньше времени, а значит, она не поможет ему в настоящему критической ситуации.

— Тысяча и один бог ни на что не годны.

Услышав это непростительное оскорбление, Микулов уже собирался поддаться ярости и ответить обидчику, но тут ему вспомнилась одно из вечных поучений Веденина: *«Боги во всем, что нас окружает. И материальный мир, и души людей — их вотчина»*. Если так, то гнев Микулова, который дал ему силы возражать Гачеву, тоже был проявлением воли богов. Эту энергию можно было направить в нужное русло, и негоже расходовать ее на отместку за обиды. *«Не борись с гневом и не отрекайся от него. Прими его, используй его»*.

Черпая силы из этого нового источника, Микулов начал подниматься дальше.

Он достиг вершины уже в темноте, очутившись на крутом выступе. Он так ослаб, что не мог тратить время на подготовку к ночлегу. Прищурив воспалившиеся глаза, он отполз от края достаточно далеко, чтобы не свалиться, и рухнул прямо на камень.

Он проснулся в темноте, потому что замерз. Судя по тому, как онемели руки и ноги, во сне он даже не шевельнулся. Открыть глаза с первой попытки не вышло, но когда все же получилось, он увидел присевшего на камень неподалеку Гачева. Тот лишь качал головой и — слава богам! — хранил молчание. Когда на горизонте показались первые лучи солнца, окрасившие край неба голубым, Микулов попытался подняться, но не сумел: сон не смог развеять его изнеможение. Лежа под открытым небом, Микулов обдумывал сложившееся положение. Солнце скоро должно было взойти, а он вообще ничего не чувствовал, как будто все части тела отрезало. Как ни странно, но этим утром он даже не испытал привычное желание сходить по нужде. Это был дурной знак. Его тело исчерпало запас воды, необходимый, чтобы выжить в горах. Он не подготовился к этим экстремальным условиям как полагается. Он вспомнил мрачные пророчества Веденина: *«Ты потерпишь крах, не успеешь отправиться в путь»*. Микулов безмолвно выругал себя.

— Да, ты глупец, — вторил Гачев мыслям Микулова. — Настоящий глупец.

Микулов вновь ощутил приступ гнева.

«Он хочет, чтобы я потерпел неудачу», — подумал он, но вместо того, чтобы дать гневу выплеснуться наружу, он воспользовался им. Несмотря на сильную боль во всем теле,

Микулов заставил себя встать на ноги. Поднявшись, он ощутил, как первые лучи рассвета коснулись лба.

Он подождал, пока головокружение не прошло, посмотрел вниз и взглянул на конверт. Все семь дней он бережно хранил послание в кармане, и сейчас не помнил, как достал его. Дрожащими пальцами он пытался справиться с восковой печатью и вскрыть конверт. Ему даже стало неловко, что на это ушло так много сил. Он закрыл на мгновение глаза, а затем развернул бумагу, чтобы прочесть указания.

В глубине.

Микулов вдруг почувствовал себя таким усталым, что даже не рассердился. На бумаге было начертано только одно слово? «В глубине» — это никакое не указание. Должно быть, произошла какая-то ошибка. Возможно, наставники оплошали и всучили ему конверт, предназначенный другому послушнику, выполнявшему какое-то рутинное поручение. Сейчас какой-нибудь незадачливый мальчик вместо обыденного поручения недоуменно изучает подробные инструкции, составленные для отправившегося в пустошь Микулова. Это была катастрофа, в результате которой он вполне мог навсегда остаться на этой вершине, не помня себя от гнева и замешательства. Микулов подавил приступ смеха. Беспомощное хихиканье лишь спровоцирует Гачева.

Он не осмеливался гневить богов. Это послание не могло быть ошибкой. Он напряг ум, стараясь понять, как странное предписание согласовывалось с его текущим положением. Вероятно, он что-то не учел.

«В глубине».

«Но в глубине чего?»

Стоило Микулову мысленно задать этот вопрос, как в поле его зрения попал затененный зев пещеры. Он располагался немного ниже — примерно в полусотне шагов на склоне противоположной вершины. Выступая из скалы, вход в пещеру манил его. Он был в ширину не более вытянутой руки, а сверху его украшала арка, искусно вырезанная в камне.

«В глубине».

Откуда наставникам было знать, что он взойдет именно на эту гору? Они же не говорили ему, куда отправляться. В пути его вел только его же собственное чутье.

Невольно Микулов вспомнил слова Веденина, сказанные ему еще в детстве: *«То, что тебе кажется чутьем, на самом деле божественное вмешательство»*. Неужели его шаги направлял глас богов, которому он внимал, сам того не замечая? И если так, то, вероятно, его наставники тоже восприняли божественное послание и приготовили этот конверт, не понимая, какое значение он будет иметь для проходящего испытание послушника.

Но каменная арка не дала ответа на вопрос Микулова. Лучи утреннего солнца, освещавшие склон, быстро нагрели камень. Он понял, что этот день будет еще жарче предыдущего. Было ли это волей богов, вознамерившихся покарать его, или просто слепым случаем, но Микулов знал, что в пещере можно, по крайней мере, спастись от зноя.

Борясь с непомерной усталостью в едва слушавшихся мышцах, Микулов неловко начал спускаться. Добраться до входа в пещеру ему скорее помогла сила тяжести, а не воли. Не зная, что ждет его во тьме, Микулов двинулся вперед и позволил мгле поглотить себя. *В глубине...*

То, что Гачев не стал заходить в пещеру, почти не вызвало у него недоумения.

Он продвигался все глубже, и то, что видел вокруг, нельзя было назвать иначе как непостижимым. Эти своды просто не могли быть настоящими. Они были вырублены — нет, скрупулезно вырезаны — в толще камня. Это было просто невероятно. Но еще удивительнее было то, что он еще мог видеть, хотя зашел уже очень глубоко. Сначала, спускаясь по грубо высеченным ступеням, Микулов предположил, что стены просто отражают вглубь пещеры солнечный свет. Но преодолев не менее сотни ступеней, он понял, что это не так. Яркие лучи, освещавшие вершину, не проникли бы так глубоко, и даже потаенные шахты и расщелины не могли объяснить столь удивительное освещение. Наконец перед ним простерся длинный и прямой коридор, и Микулов понял, что свет действительно не проникал снаружи. Впрочем, то, что открылось его взору, было еще более поразительно: сами стены излучали мягкое свечение.

«Что же это за место?» — мысленно спросил себя Микулов. Он внимательно изучил каменные стены. Свет действительно тек по ним, точно кровь по жилам. Яркое мерцание подчинялось единому ритму, стучавшему в унисон с его сердцем.

«Куда меня занесло?»

Микулов спрашивал себя, как можно было соотнести увиденное с его представлениями о поведении богов.

«Я знаю, что боги общаются с нами при помощи знамений, воплощенных в природе и человеческих делах. К тому же божественная энергия пропитывает все сущее», — думал он, а происхождение света, бегущего по стенам, явно было божественным. Следовательно, эти ступени и коридор, высеченные людьми, тоже были проявлением воли богов. Не найдя в этой концепции противоречий, Микулов попытался распознать послание свыше.

Сосредоточиться было трудно, ведь его мучила жажда, нарушая ход мыслей, и хотя он стоял неподвижно, ноги дрожали от напряжения. Лишения, которые ему пришлось претерпеть за семь дней и ночей, плачевно сказались не только на теле — они повлияли и на его ум. Хотя Микулов приложил огромные усилия, чтобы заглушить неприятные ощущения, он так и не смог сосредоточиться.

Он вновь вспомнил о Гачеве, не понимая, почему тот отстал от него. Чем сильнее он старался расшифровать послание богов, тем больше мысли о бывшем послушнике нарушали его сосредоточение. Гачев предвидел, что Микулов предается унынию, и целыми днями упивался его горем, так неужели сейчас он откажет себе в удовольствии поглумиться над смятением собрата, обреченного на неудачу?

Микулов повернулся к ведущей наверх лестнице, в конце которой брезжил свет. Вытянув шею, чтобы лучше разглядеть вход, отчасти скрытый выступами камня, Микулов увидел своего мучителя. Тот с мрачным видом стоял в проходе и безмолвно наблюдал. Гачев больше не отпускал колкости и остроты, не старался спровоцировать, а просто молча ждал. Казалось, он хотел преградить путь тому, кто захочет спуститься вслед за обреченным Микуловым.

А может, он собирался не дать Микулову вновь выйти на свежий воздух к свету?

Увидев, как далеко до Гачева, Микулов вдруг осознал, как глубоко в темные недра горы спустился, и испугался. Он помахал Гачеву и указал рукой на ждущую внизу темноту, приглашая спуститься за ним.

Гачев не двинулся с места и только покачал головой.

— Это твоё испытание, — сказал он, и слова эти обрушились на Микулова, подобно сильному ледяному ливню. — Я не пойду дальше.

У Микулова в горле встал комок, и он вновь повернулся к коридору. Он еще раз сосредоточился на свете, что, казалось, жил внутри стен. Он не просто видел глазами, но слышал этот ритм, мягкий, как слабый пульс. Изучая стены, Микулов видел и слышал, как пульсация уходит во тьму в конце коридора. Хотя не на такой знак он рассчитывал, Микулов

принял знамение: это было приглашение идти дальше. Микулов заставил ноги двигаться и неровно зашагал во тьму, куда его звал пульсирующий свет.

Он думал, что окажется в лабиринте или в зловонных катакомбах, из которых невозможно выбраться. Но вскоре Микулов оказался у входа в пустую комнату, выложенную каменными блоками. Хотя помещение располагалось в самой глубине пещеры и имело только один вход, его стены переливались самыми разными оттенками красного. В одном месте было собрано просто удивительное разнообразие вариаций одного цвета, да таких, каких Микулов не то что не видел прежде, но даже представить себе не мог. Зеленоватый лишайник, которым порос камень, контрастировал и усиливал впечатление от изобилия теплого цвета. Красные светящиеся разводы на стенах начали пульсировать.

«Неужели это и есть испытание? Что мне тут делать?»

Уже собираясь шагнуть внутрь, он услышал рядом голос Гачева.

— Ты что, вот так запросто зайдешь в комнату, из которой нет второго выхода?

Микулов испытывал искушение обернуться, но он знал, что Гачев не преследует его. Он просто слышит голос своего страха.

Но страх не мог перевесить того, во что верил Микулов. Он доверился знакам, которыми с ним говорили боги, и теперь ни за что не свернул бы с выбранного пути. Микулов смело ступил на каменный пол.

Вход за спиной не перекрыли тяжелые решетки, комнату не начала затапливать вода, и стены не двинулись с места, чтобы раздавить его. Только сверкающая энергия по-прежнему ритмично освещала стены. Когда Микулов зашел в комнату, волны света прекратили движение: он оказался там, где было угодно богам.

Но что он должен был сделать?

Он ждал. Хотя ритмичное свечение стен отмеряло время, он совершенно не представлял, как долго простоял на одном месте. Миг от мига, час от часа в этом месте не отличались друг от друга. До сих пор Микулов следовал чутью, которое считал проявлением воли богов, и все же теперь, уставший и измотанный, оказался в тупике. Кровь вскипела, отдаваясь пульсом в висках, а биение сердца участилось. Стоило ему разгневаться, как чувство времени сразу же вернулось. Он простоял так целую вечность, и теперь раздражение подталкивало его немедленно уйти.

Но что-то его остановило. Из глубин сознания всплыло ухмыляющееся лицо Веденина, который вышел встретить потерпевшего неудачу послушника и позлорадствовать. Чтобы избежать такого позора, Микулов был готов ждать хоть целую вечность и даже дольше. Боги заговорят, когда пожелают, а не тогда, когда захочется какому-то там послушнику.

Окружавшее его свечение чуть померкло. *«Вверх себя провидению, — будто бы говорило это знамение. — Не торопись и дождись решения богов».*

Микулов никогда не отличался терпением. Он заставил себя преклонить колени и замер в смиренной позе. Когда измученное тело захлестнула волна нестерпимой боли, он одними губами начал читать молитву, чтобы успокоить дух и отрешиться от телесных мук.

«Добро пожаловать, боль. Хотя нам не суждено быть вместе долго, я приму тебя с должным почетом».

Микулов провел без движения, казалось, тысячу лет. Он вел безнадежную борьбу с собой. Ноющая боль проникала в сознание, приковывала к материальному миру, не давая соприкоснуться с обителью богов. Пот стекал со лба на веки, падая каплями на голые колени, покоящиеся на камне. Боль и раздражение отвлекали, нарушая успокаивающую пульсацию стен. Четкий ритм стал напоминать издевки Гачева. Микулова со всех сторон окружало воплощенное однообразие: свет растекался по стенам, каменные плиты, между которыми скапливалась влага, блестели от сырости, и лишайник легонько покачивался...

Покачивался?

Микулов моргнул и попытался вспомнить все, что явилось его взору раньше. Да, в давящем однообразии комнаты произошли едва заметные изменения. Он отчаянно пытался теперь увидеть эти перемены.

Разве мягкая зеленоватая поросль покачивалась, когда он только опустился на колени? И если да, то как? Ведь движения воздух здесь не было.

Уставившись на лишайник, Микулов понял, что прав. *«Нет, когда я вошел, все было неподвижно».* Вскоре он увидел то, что заставляло шевелиться свисающие веточки.

Прямо на глазах из щелей между блоками засочился густой и зыбкий пар. Застывший в воздухе прямо над Микуловым странный туман можно было развеять одним дыханием, но в то же время он производил впечатление настоящей угрозы. Микулов увидел, что пар едва заметно колеблется в такт освещению от стен.

Как это ни было невероятно, странный туман вблизи источника мерцающего света начал обретать форму. Непонятные миазмы, похоже, были заразны, ибо сочились болезнетворной на вид жидкостью.

Внезапно к красному оттенку освещения прибавились желтый, зеленый и синий, но все они выглядели тошнотворно. Цветное мерцание и та сущность, что излучала его, слились вместе. Микулов смотрел на странное явление и все отчетливей понимал, насколько оно опасно, однако ум его никак не мог дать четкое определение увиденному. Отчасти это изменчивое создание напоминало огромный нарыв. Микулов никак не мог рассмотреть, что находится в центре колеблющегося образа. Казалось, там вообще ничего не было.

Наконец Микулов с ужасом осознал, что перед ним в воздухе зияла огромная узкая *рана*. Видение было отвратительно и духу, и разуму: оно не напоминало ни человека, ни бесформенную массу, ни даже бесплотного духа. Фантом представлял собой парящий над полом разрез, но вокруг не было тела. Казалось, кто-то разрубил сам воздух одним чудовищным ударом невидимого клинка. Микулов попробовал представить, на что должно быть похоже подобное оружие, и инстинктивно потянулся за кистевым клинком.

Пulsирующая рана будто выжидала, и Микулов застыл без движения, занеся руку над рукоятью оружия. Он смертельно устал, и жуткий фантом не только ошеломил его но и, казалось, угрожал его жизни своим существованием. Более того, он угрожал самой реальности — такой, как ее понимал Микулов; рана была явно живой — некое таинственное создание, намеревающееся уничтожить разум Микулова, рассечь его так же, как неведомый клинок рассек пространство, вызвав к жизни это существо.

Когда призрак начал двигаться, Микулов попятился. Существо в равной мере вызывало отвращение и приковывало взгляд. Микулов не сразу понял, что дух принуждает его отступить в нужном направлении, и потому не успел среагировать. Когда он наконец распознал план противника, Микулов схватил кистевой клинок и выставил его в сторону раны, и поведение фантома изменилось. При каждом выпаде юного послушника странное явление повторяло его движения, будто в чудовищном танце с оружием. Микулов слишком поздно заметил, что после нескольких обманных выпадов призрак занял очень опасное положение: он перекрыл вход в комнату.

Микулов огляделся, убеждаясь, что больше через стену ничего не просочилось. Ноги, спина и плечи слишком ослабли, а запас сил и выносливость были не бесконечны. Монахи монастыря Плывущего Неба не признавали безвыходных ситуаций. Наставники учили

подопечных находить решения жизненных проблем, чтобы не увязнуть в них. Нужно было пройти испытание как можно скорее, пока еще были силы. *«Плевать, насколько ты страшный»*, — подумал Микулов и бросился к выходу из комнаты.

Но существо преградило ему путь. Ему было мало просто остановить послушника, и оно сделало резкий выпад, нанеся Микулову сокрушительный удар. Казалось, оно навалилось на него всем своим весом. Прикосновение было влажным и вместе с тем обжигало. Послушник рассердился, так как позволил застать себя врасплох. Несмотря на попытку в последний момент уклониться, его ударило по щеке, и Микулов почувствовал, как вязкая жижа течет у него по шее. Сердце сжалось от одной только мысли, что он мог заразиться. Он схватился за край туники и стер им зловонную жидкость, однако ожог не исчез. Его отбросило назад, и Микулов ощущал, как все окружающее пространство заполняется болезнетворным паром. Он чувствовал, как зараза прилипает к коже, как капли отвратительной влаги стекают с его засалившихся волос. Распластавшись на полу, он с запозданием поднял кистевой нож, чтобы парировать следующий удар, и в это мгновение почувствовал себя по-настоящему глупо. И почему он сразу не ударил клинком?

Но сейчас он исправит досадную ошибку. Не без труда поднявшись на ноги, Микулов бросился на проклятое привидение. Но фантом так быстро нанес ответный удар, что, хотя Микулов и успел парировать, он воспользовался оружием лишь простейшим образом, нанеся лишь физический удар, но не высвободив божественную энергию. Поддавшись страху, Микулов не смог сосредоточиться и направить силу духа в нужное русло, несмотря на то, что именно сейчас нуждался в новой технике как никогда.

Он отскочил, ожидая ответного удара, и попытался оценить эффект от атаки клинком. Даже такого слабого удара оказалось достаточно. Призрачное существо затрепетало и словно бы пожухло. Рана стала больше и начала кровоточить, забрызгав каменные плиты на полу. Микулов смотрел на чудовище с ужасом, так как даже истекая кровью и испытывая боль, рана росла буквально на глазах. Кровь стучала в висках — всплеск адреналина еще не прошел, — и он знал, что это его шанс: пока существо еще не собралось с силами, нужно нанести новый удар! И поэтому он ударил клинком, и на этот раз сосредоточился, чтобы призвать на помощь столь необходимую энергию.

Это испытание было чрезвычайно важно: очевидно, именно здесь он должен доказать как свое мастерство, так и находчивость. Его успех в этом бою послужит наставникам

доказательством того, что он готов к дальнейшему обучению. И Микулов был готов поклясться тысячей и одним богом, что добьется успеха.

Увы, так легко ему победить не удалось. Хотя на тренировочной площадке в монастыре Плывущего Неба он научился по своей воле призывать на помощь божественную энергию, текущий бой выходил далеко за рамки обычной тренировки. *«Сосредоточься! Сосредоточься и высвободи энергию, — понукал он себя, отчаянно стараясь побыстрее вспомнить все особенности своего метода. — Сосредоточься на цели. Призови на помощь все свое упорство, и дай выход энергии, скопившейся в каждой частичке твоего тела».* Тем не менее он сильно разволновался и забыл, что ни в коем случае нельзя торопиться. Эту технику следует применять решительно и без спешки. И в результате удар оказался слишком слабым, обыкновенным, ему не хватало энергии духа.

Не хватало до последнего мгновения. В конце концов парящая рана приготовилась контратаковать, и именно страх позволил Микулову высвободить энергию. Паника, которой он поддался, понимая, что не сможет отразить новый выпад противника, выпустила всю сконцентрированную в клинке силу. Резкий выброс энергии вырвался во все стороны. От неожиданности Микулов потерял равновесие, и его отбросило отдачей.

Он покатился по полу и сильно ударился затылком. Инстинктивно он попытался встать на ноги, но на некоторое время застыл, свесив голову, не в силах совладать с головокружением. Куда подевалось его мастерство обращения с клинком? Неужели он просто слишком много о себе возомнил? Или сложность и опасность испытания были ему не по зубам? Хотя сам он не знал, насколько сильно пострадал от падения, увидев противника, Микулов понял, что тому тоже досталось.

Каким бы страшным ни было существо, Микулова до глубины души поразило то, что эта жуткая рана стала еще более ядовитой и снова увеличилась в размерах.

Теперь фантом был значительно выше Микулова и выглядел воспаленным, будто его целиком объял сильный жар. Монстр буквально пылал от злобы. Края раны больше не были ровными, как если бы надрез был сделан лезвием, но выглядели так, будто плоть разорвали голыми руками. Существо начало тяжело и неритмично дышать, засасывая в себя воздух с огромной силой. Ощущение неправильности происходящего нахлынуло на Микулова сильнее, чем раньше, и он понял, что дышать стало тяжелее, как если бы каждый вдох наполнял легкие смертоносной заразой. А хуже всего было то, что изнутри разросшейся раны

на пол лилась жгучая кислота. Микулов случайно коснулся ее ногой, и ступню будто объяло пламя.

Микулов вновь обратился к глубинам своего сознания, но в этот раз он хотел найти не упорство, но источник своей ярости, и ее в его душе было хоть отбавляй. После восхождения на вершину с Гачевым он знал, что ярость — тоже дар богов. Позабыв о самоконтроле, он воспользовался силой своего гнева и направил ее на противника.

Клинок испускал чистейшую энергию, и Микулов разил точно в цель. Лезвие поглотил огромный язык горячего пламени — такой разрушительной мощи Микулову еще ни разу не удавалось достичь. Божественная сила сорвалась с клинка, подобно воплощенному гневу, и сбила противника с ног. Взрывная волна продолжала движение до тех пор, пока не достигла стены комнаты, отразившей ее обратно. Вернувшиеся волны ударили по Микулову и чудищу сразу с двух сторон. Мальчик, мечтавший стать монахом, не мог ничего разобрать за стеной огня и упал на спину, широко распахнув глаза от удивления и усталости.

Он тяжело дышал и был благодарен богам за то, что сохранили ему жизнь. Уж такой-то атаки должно было бы хватить! Жуткая тварь просто не могла выжить после такого. Он хотел оглядеться, но мог даже повернуть голову. Обессиленный Микулов испытал страшную горечь отчаяния, когда в воздухе прямо над ним нависла рана. Гнусное существо стало еще больше и сильнее. Как такое возможно? Неужели боги издеваются над ним? Он снова взглянул на внутренности раны, из которых сочилась отвратительная флегма, орошавшая каменный пол. Казалось, все его попытки только придавали врагу сил.

Его силы иссякли. Он был так измучен, что когда даже когда на него начали падать капли гноя, он даже не вздрогнул от адского жжения на коже. Он совершенно ясно понимал, какая участь его ждет: он будет долго и мучительно погибать от этой заразы.

— Глупец, — услышал он чей-то голос. — Ты горделив, вспыльчив и слаб.

Микулов понял, кто это. *«Гачев наконец пришел посмотреть, как я умираю, — подумал он, и лишь в отдаленном уголке сознания остались силы удивиться. — Почему он все-таки решил зайти внутрь?»* Наверное, упрек был лишь воспоминанием, отголоском страха, сковавшего его в этот страшный час. Микулов не обращал на голос внимания, но Гачев не собирался умолкать.

— Ты опозоришь своих братьев, и не только тех, что остались в монастыре, но и пытавшихся пройти испытание до тебя.

Эти слова запали ему в душу, ведь они были истинны. Оказавшись во власти своей гордыни, Микулов возомнил, что преуспеет в том, что сгубило стольких его предшественников. Но он ничем от них не отличался.

— Думая лишь о своей ничтожной боли, ты никогда не услышишь глас богов.

Это была правда — Микулов не слышал богов, ему мешала боль. Впрочем, у него и раньше не получалось внимать им. Даже выбирая мантру, он поступил бездумно. Если бы он чуть дольше просил совета у богов, то он сделал бы лучший выбор. Он бы взял боевую мантру и полностью бы уничтожил проклятое существо магическим огнем.

— Если будешь следовать только своим порывам, но не воле богов, тебе меня не спасти.

Микулов понял, насколько был глуп. Чем поможет ему сейчас мантра исцеления? Она только продлит его мучения, позволит подставиться под еще один удар разросшегося монстра...

Микулов мысленно осекся, задумавшись над словами Гачева. *Тебе меня не спасти.* Что он имел в виду?

— А продолжишь в том же духе, сам погибнешь.

«*Мои порывы*». Микулов наклонил голову. Свиток с мантрой исцеления лежал у него в кармане, и когда он достал его, он увидел, что после боя пергамент был покрыт слоем грязи и обуглен так, что его едва можно было прочесть.

Он еще раз поднял взгляд к нависшему над ним мерзопакостному чудищу. Мрачная комната наполнилась смрадом жуткой раны, которая все росла и росла...

И тогда Микулов понял.

Действительно, нельзя было доверяться своим порывам.

Трясущимися, в саже, пальцами он развернул свиток и начал читать.

— *Jaz vay pozdravju. Prelusjem váz dobrej,* — древние слова звучали очень непривычно и читать их было непросто, при этом Микулов был истощен и не мог сосредоточиться, а ритуальные движения рукой, которым его научили наставники, получались неловкими. — *Vimenju te teysoč in enje bogev obnovium vasz.*

Но зато у Микулова отлично получилось нацелить эффект от жестов и слов на жуткую рану, а не на себя.

Лежа на полу, он чувствовал, как угасают его силы, но понимал, что поступил правильно. Сама сущность этого чудовища, казалось, предполагала именно такие действия. Можно ли избавиться от раны силой? Нет, новые удары лишь разбередят ее. Рану можно лишь *исцелить*.

Дерзким безрассудством он лишь подверг себя опасности. Оглядываясь назад, Микулов признал, что существо ни разу не попыталось напасть первым. Оно просто отвечало на его удары. Микулов почувствовал себя глупо: он поторопился с выводами, испугавшись неведомого создания и потому расценив его как угрозу. А ведь рана всего лишь закрыла собой выход и не пыталась навредить ему.

Разумеется! Сама по себе рана не представляет опасности, в отличие от того, кто ее нанес.

Стоило ему произнести заключительные слова, и свиток обратился в прах прямо у него в руках. Микулов поднял глаза и увидел, что рваные края раны затянулись и что вязкие выделения почти перестали вытекать. Он увидел, что некогда огромное создание стало намного меньше, но еще не утратило своей силы, оставалось все таким же отвратительным и, самое главное, по-прежнему преграждало выход. Когда Микулов обдумал увиденное, у него сердце ушло в пятки: действие мантры подходило к концу. Он отчаянно старался вспомнить непостижимые слова мантры, но все было тщетно.

Силы мантры оказалось недостаточно, но другой у него не было. Мысленно он вознес пламенную мольбу богам: *«Прошу, помогите мне!»*

Это отчаяние отворило потаенную дверь в его сознании. «Сосредоточься на том, что тебе нужно», — твердил некий голос. Да ведь это же он сам повторял себе во время тренировок. «Соберись с мыслями, сосредоточься на необходимом». А сейчас ему было необходимо одолеть неведомое создание, иначе он никогда не выйдет отсюда. Нет! Не одолеть, а *исцелить* его! «Позволь своей жажде выпустить поток энергии из сознания, из каждой частички тела и духа!»

Микулов отринул все праздные мысли и сосредоточился на том, чтобы исцелить рану. Он испробовал все способы, которые только приходили ему на ум, какими бы нелепыми они ни показались. Он протягивал к существу руки, произносил одними губами слова утешения, которые едва можно было разобрать. Увидев, как низко зависла над ним рана, он вытянул руки и обнял ее, ощутив, как она принимает его энергию. Наконец после нескольких

невыносимо долгих минут, в течение которых он изо всех сил старался сосредоточиться, его глаза сами собой закрылись, а руки безвольно опустились на пол. Усталость взяла верх.

Он лежал без чувств и был слишком слаб, чтобы двигаться. В конце концов, он провалился в сон, едва почувствовав, как кто-то невесомо поцеловал его в лоб.

Микулов не знал, как долго пролежал на полу и как сумел обрести достаточно сил, чтобы открыть глаза и приподнять голову. Оглядевшись, он понял, что кроме него, в комнате никого нет. Ничто больше не нависало над ним, и вообще никак ему не угрожало. Он выжидал довольно долго, прежде чем поверить в то, что подсказывало ему чутье: призрачная рана исчезла. Он исцелил ее, и она пропала.

Приподнявшись на локте, он увидел маленькую комнату, которой раньше не заметил, — не больше монастырской кельи. По всей видимости, ведущая туда дверь открылась, после того как он исцелил рану. Внутри он нашел себе пропитание: кувшин воды, чтобы утолить жажду, и соленое мясо, чтобы наполнить желудок. Микулов был так слаб, что не получал удовольствия от еды. Он ел и пил медленно, невозмутимо, обдумывая то, чему научился. Он осмотрел потайную комнату и задумался, что же скрывало ее прежде. Вероятно, какие-то наложенные наставниками чары, способные продержаться хоть целую вечность. Микулов ощущал их энергию своим недавно пробудившимся чутьем. Испытание словно уничтожило некий барьер в его сознании, и теперь он мог ощущать силу богов, хоть пока и слабо. Машинально пожевывая жесткое мясо и запивая его водой, он огляделся и обнаружил, что вокруг сосредоточена куда большая сила, чем он предполагал.

Проглотив очередной кусок, он присмотрелся повнимательнее.

Микулов подсознательно понимал, что призыв такого необычного существа требовал больших навыков управления божественной энергией. Рана должна была появляться примерно тогда, когда сюда приходил послушник из монастыря, а ее исчезновение — к примеру, если ее удалось исцелить, — должно отпирать дверь второй комнаты. Таким образом у преуспевшего послушника была возможность восполнить силы.

Кроме того, отсюда ведь нужно было убирать тела погибших.

Микулов теперь мог не только ощущать сверхъестественную мощь, но и понимал ее назначение. Это была маскировка. Наставники еще что-то здесь спрятали. Сердце заколотилось сильнее, стоило Микулову подумать о том, что же сокрыто в сердце горы,

однако он немедленно обуздал свой порыв, напомнив себе о том, что позволяло монахам монастыря Плывущего Неба направлять силу богов, а именно о равновесии духа.

Он начал дышать глубоко и размеренно, а когда полностью справился с эмоциями, мысленно дотронулся до источника энергии и взмахом руки *развеял* его.

Чары скрывали еще одну комнату с голыми стенами, в которой были сложены тела других послушников.

Много же их там было! Полуразложившиеся, брошенные без погребения тела окоченели и выглядели жутко и в то же время жалко. Учитывая, сколь немногим послушникам позволяли пройти испытание, тела дерзновенных, надеявшихся стать монахами, копились в этой комнате уже много столетий. От некоторых остались лишь покрытые прахом скелеты, от других — ссохшиеся трупы в разных стадиях разложения. Он осматривал каждого из них, пока наконец его взгляд не привлекло хорошо сохранившееся тело, гораздо крупнее прочих.

«Гачев всегда был выше остальных».

Вглядываясь в глаза своего бывшего мучителя, Микулов вспомнил его слова: *«Если будешь следовать только своим порывам, но не воле богов, тебе меня не спасти»*. Тогда Микулов не представлял, о каком *спасении* идет речь, но теперь он все понял.

«А ведь предупредив меня, — подумал Микулов, — Гачев спас мне жизнь».

Неужели души этих детей находились в потаенной комнате в заточении вместе с их телами? Об этом ли говорил Гачев, когда упомянул о *«спасении»*? Если так, то им недолго оставаться в неволе. Поев и восстановив телесные силы, Микулов вышел из пещеры, чтобы поискать подходящее место для захоронения. Он не удивился тому, что не встретил Гачева снаружи, но ему все равно было одиноко.

Насобирать достаточно древесины для погребального костра было невозможно, особенно если учесть, сколько тел он нашел. Микулов надеялся, что будет достаточно вынести их из потайной комнаты и дать им еще раз ощутить тепло солнечного света, прежде чем обрести вечный покой.

Потребовались часы, чтобы вынести каждого на руках из пещеры. Микулов много раз спускался обратно, и закончил работу уже глубокой ночью. Он вынес Гачева последним и положил его тело поверх других. Ночью он спал — спешить было некуда. Наконец наступило утро, и после того как мертвых в последний раз коснулись лучи солнца, Микулов погреб их под камнями, создав огромный памятник погибшим послушникам. Закончив свой труд, он

стал читать молитв — на то у него уже не было сил. Коротко попрощавшись с бывшими послушниками, своими братьями и сестрами, он просто развернулся и неуклюже зашагал назад в монастырь.

Микулову понадобилось полтора дня, чтобы не торопясь вернуться с триумфом в стены монастыря Плывающего Неба. Солнце уже давно клонилось к западу, но еще освещало те ворота, через которые он в свое время покинул обитель. Там он встретился с Ведениным, переминавшимся с ноги на ногу. Наставник выглядел очень старым и сгорбленным. Казалось, будто старик дежурил у ворот уже много часов, хотя, судя по сердитому выражению лица, у него остались еще силы.

— Прошло уже больше суток с момента окончания испытания, — сказал он, и эти слова подтвердили многие предположения Микулова. Как он и подумал, исчезновение раны послужило не только символическим окончанием испытания, но также позволило открыться потайной двери и каким-то образом оповестило наставников. Все это время они ждали его возвращения.

— Мои братья устали, и поэтому остался один я, — пояснил Веденин.

«Разумеется, — подумал Микулов. — Как же он упустит возможность подтрунить надо мной и раскритиковать мой бой с раной! Он, наверное, сам не свой, что я преуспел».

Микулов, не говоря ни слова, шагал к Веденину.

— У меня было много дел, брат, — ответил он, и хотя после девяти дней молчания голос его звучал хрипло, он испытывал чрезвычайное удовлетворение от мысли, что может наконец говорить с Ведениным на равных. Тот больше не был *наставником*, и стал просто братом, ведь Микулов заслужил право занять свое место среди монахов монастыря Плывающего Неба. Тем не менее, он понимал, что обучение его только начинается, так как некоторые наставники десятилетиями занимались с молодыми монахами. Поэтому Микулов всячески избегал в голосе ноток гордости и раздражения и говорил с Ведениным очень уважительно.

Но он все же дал праведному гневу вырваться наружу, чтобы старый монах не перехватил инициативу.

— Я нашел далеко не только потаенную комнату с водой и питьем, — продолжил Микулов и увидел, как дернулись глаза Веденина.

— Достаточно, чем занять целую ночь и день? — спросил старик. Однако в его возмущении было куда меньше уверенности, чем в недавнем гневе.

Микулов посмотрел прямо в глаза Веденину и не отвел взгляд.

— Да, достаточно, — сказал он, выдержав паузу и кивнув. — В горах очень мало деревьев, а мне нужно было похоронить многих братьев.

Воспоминания были еще свежи, и, суда по ошеломленному выражению лица Веденина, ему самому не удалось сохранить бесстрастный вид.

Веденин и другие наставники могли сомневаться в успехе Микулова, но они точно не думали, что он отыщет тайную комнату с мертвецами.

Микулов решительно прошел мимо Веденина, слегка задев его. Он не спешил и не старался уязвить старика, но этот жест вывел того из оцепенения.

— Ты пришел слишком поздно и пропустил занятия! — рявкнул Веденин за его спиной. — Отправишься в лекторий немедленно!

Микулов устало покачал головой, внезапно ощутив всю тяжесть перенесенных тягот.

— Не сейчас, Веденин, — ответил он. — Сначала мне нужно поесть, а затем помыться.

Монах злобно прищурился, и было заметно, каких усилий ему стоит сохранить подобие своего властного облика.

— Ты должен звать меня... — и тут он осекся, — брат Веденин.

Микулов не стал прятать улыбку.

«Как его, должно быть, гложет, что я больше не обязан звать его наставником. Наверное, ему ненавистно, что мы стали братьями, — думал он, но внезапно ему в голову закралась другая мысль. — Я один из самых молодых послушников, когда-либо ставших монахами.»

Его сердце наполнилось благодарностью.

— Я буду учиться, брат, — сказал он с искренним смирением и уважением. — Но меня преследует запах смерти, и я не хочу прогневить богов своим смрадом. Сначала мне нужно поесть, затем очиститься, и лишь потом я приступлю к обучению.

Микулов больше не собирался поддаваться на провокации, но и терпеть снисходительность не собирался. Позади старик брызгал слюной от возмущения, но Микулов лишь спокойно шел дальше.

— Спокойной ночи, брат, — только и сказал он, уходя.

Вернувшись в монастырь Плывущего Неба, Микулов долго размышлял об одиночестве, наполнявшем его жизнь. Пройдя испытание в горах, он наконец обрел семью, о которой столько лет мечтал, хотя и не так, как он представлял раньше. Теперь ему необходимо будет называть других монахов в монастыре «братьями» и «сестрами», но его настоящая семья находилась в совсем другом месте: с самыми близкими ему людьми он простился на вершине горы.